

Художник Е. Силлина

Скрипучая хибарка

Екатерина Медведева

Не ненавижу осень. Мерзкая, слякотная пора. Только высунешь нос из дому, как тут же тебя продует, промочит, исхлещет ледяным ветром. Продрогшие деревья, чавкающий мох, вязкая грязь тропинок. И небо — низкое, провисшее, как старый продавленный матрас. Постоянно сыплется с этого матрасного неба сырая труха. Еще пару подобных дней — и я не выдержу. Заведу часы и уйду отсюда. Вот только Клякса огорчится, когда некому станет ловить для него рыбу. Но потом привыкнет к одиночеству, к погасшему очагу, одичает и превратится в лесного хищного кота.

Словно услышав мои невеселые мысли, Клякса завозился за пазухой.

— Сиди-сиди, скоро уже придем!

Эх, все же грустно будет оставить его одного в холодном предзимнем лесу...

Ветер совсем сошел с ума. В лицо полетели грязно-бурые листья. Скомканные тучи лениво ползли по своим делам, а я полз по своим, промокший до нитки, злой, как собака. Даже как две — голдобные, злые дворняги. Впрочем, в отличие от дворняг, у меня было какое-никакое жильё. Затоплю печку, обсушусь, горячего попою. Конечно, если продуваемая всеми ветрами хибарка позволит мне развести огонь.

Дверь хибарки отворилась с противным скрежетом. Клякса тут же отправился обходить территорию. Чиркая спичку за спичкой, я посмотрел на часы. Нет, стрелки все там же — без четырнадцати восемь. И пока не подкручу ключом пружину, время будет стоять.

Клякса требовательно мяукнул. Молока бы ему сейчас или кусок печенки.

— Ну что ты смотришь? — Я развел руками. — Лови мышей, друг мой!

Кот посмотрел на меня, будто хотел что-то сказать. Но не сказал, конечно. Уж на что странным был здешний мир, но животные тут не разговаривали.

Я погрел руки перед огнем, развесил около печки мокрую одежду. За стеной слышался размеренный стук. Это соседи забивали гвоздь за гвоздем. Наверно, развешивали семейные фотографии. А может, гербарий. Рамочки, травинки, витиеватые подписи. Первое время, услышав шум, я выбегал на улицу, кричал, звал. Я искал людей, которые производили все эти звуки. Но не сразу до меня дошло, что хоть соседи были отлично слышны, но при этом они не существовали. Именно так, не существуя, они звонко шлепали мухобойкой, играли гаммы на пианино, кололи дрова, выбивали ковер — постоянно, днем и ночью. Я забыл, что такое тишина.

В котелке закипела вода. Мой так называемый чай. Еды никакой не было. Завтра нужно бы сходить на озеро, проверить снасти. Или поохотиться, что у меня никогда особо не получалось.

Когда я проснулся утром, часы показывали все то же — без четырнадцати восемь. На полу лежали широкие солнечные дорожки. Солнце? Здесь? Я встал босыми ногами в теплый желтый квадрат. Хорошо! Кляксы не было видно — наверно, ушел по своим делам. Хибарка поскрипывала, за стеной соседи мыли посуду, лилась вода, звенели тарелки, громыхали кастрюли. Сквозь окно

вплывал сочный аромат отбивных с чесноком. Несуществующих отбивных. Я знал, что за окном не найду ничего, поэтому просто вдыхал и наслаждался.

Вышел из дому, дверь привычно затрещала, звякнули стекла в кривых окнах. Но тут же пришло время удивлений: я запнулся, недоуменно озираясь. Где лужи и грязь? Что стало с опавшей листвой? Куда делись за ночь толстые тучи? Вместо них над головой сияло высокое синее шелковое небо. Шелковое? Упаси меня Бог так думать! Не моя мысль, чужая. Определенно чужая. А это означает только одно: здесь появился посторонний. Этого еще не хватало! Это мой лес, мое озеро, мое одиночество и моя непогода. Хотите золотой осени — ищите незанятое местечко.

Широким сердитым шагом я добрался до опушки. Вроде все знакомое: буреломы, колючки, молодые рябинки и столетние сосны, протыкающие верхушками небо. Но это был не тот хмурый лес, к которому я привык. Его, старого и облупленного, словно облили золотой краской в мастерской антиквара, сделали произведение искусства и выставили на продажу. И я бы, пожалуй, купил его, да только он и так был полностью в моем распоряжении. Листья берез и осин дрожали сухими резными сердечками, в вереске виднелись шляпки грибов. По второму разу цвела ежевика, и пчелы кружились над редкими цветами, белевшими вперемешку с сизыми, водянистыми ягодами.

Во мне нарастало удивление. Сколько живу здесь — не помню ни одного солнечного дня. Кто же устроил тут бабье лето? Даже возникла мысль вернуться домой за лукошком и набрать грибов, сделать запасы на зиму. Запасы? На зиму? Да на какую зиму, когда этот мир прочно застрял в осени? Это уж слишком. Я замедлил шаг и прислушался. Между гудением пчел и стуком дятла смутно проскальзывала чья-то болтовня.

Поразительно, она даже не услышала, как трещат сухие ветки у меня под ногами. Не оглянулась, когда я кашлянул. Не вздрогнула в ответ на мой оклик. Глухая, что ли? Она болтала с кем-то, напевно произнося слова высоким голосом и временами посмеиваясь. Длинные светлые волосы, платье-распашонка. Откуда здесь взялась девчонка? И с кем это она говорит? Однако! Она держала на руках моего Кляксу! Этот предатель развалился у нее на коленях пузом кверху, раскинул лапы и бессовестно тарыхтел.

— Ах ты, мой сладкий, ах ты, мой черный, кисонька ты моя, — сюсюкала девчонка.

Меня взяла досада. Что ты за хищник, если подставляешь живот врагу? Нет, не выживет он без меня в лесу — слишком доверчивый.

— Клякса! — рявкнул я, но кот, давно слышавший мое приближение, никак не отреагировал. Даже из вежливости ухом не дернул. Зато девчонка запнулась, вздрогнула всем телом (накопец-то!) и подняла на меня глаза. Голубые, шелковые, под стать сегодняшнему небу.

— Твой котик? — улыбнулась она и встала.

Я раскрыл было рот, чтобы сказать какую-нибудь колкость, и замер. Потому что у девчонки был просто огромный живот. Все, на что меня хватило, — это взять кота и постараться насупить брови.

ФАНТАСТИКА

Нет, я не испытываю патологической страсти к беременным женщинам, но привык относиться к ним уважительно. Ведь когда-то и моя мать испуганно прикрывала руками живот, оберегая в нем меня.

Солнце припекало, от земли поднимался горячий запах травы, грибов, вереска. Я смотрел на девчонку. Ветер раздувал ее растрепанные волосы, шевелил дурацкие оборки на платье. Может, ее появление здесь — знак того, что мне пора уходить? Вот вернуться сейчас домой и заведу часы. Только сперва нужно наловить рыбы для кота, ему ведь тут жить.

Всю дорогу до озера Клякса расслабленно провисел у меня на шее черным теплым воротником, а у самой воды спрыгнул и скрылся в камышах. Была у него забава — лягушек пугать. Правда, какие лягушки поздней осенью? А сейчас — вон, сидят, спинки солнцу подставили.

Вытягивая сетку, я чувствовал, что добычи много. Коптильню бы устроить, запастись впрок. Да зачем мне это надо? Я человек свободный, сегодня вечером уйду и не вернусь. А лещи попались на загляденье, один крупнее другого. Может, не заводить пока часы да как следует приготовить рыбу? Испечь в листьях, например, или уху сварить. Мешок лука в Скрипучей хибарке был, да и пряности какие-то, по мешочкам рассыпанные, я видел, только готовить желания не было.

За ольхами невдалеке мелькнуло розовое платье. Опять она! Подошла утиной походкой, с сумочкой через плечо. Прикрыла ладонью глаза от солнца, загляделась на другой берег.

— А что там?

— Черничник, — злорадно сказал я. — И картофельное поле.

На самом деле там ничего этого не было. Только грязь, пустошь да голые усталые деревья.

— Картошки хочется. — Девчонка перевела взгляд на камыши. — Давай сплаваем?

— А лодки нет, — ехидно сказал я.

Она принялась шарить взглядом по ольшанику и черноталу, заплетшим берег.

— Должна быть, — проговорила она задумчиво. — В таких местах всегда прячутся лодки. Пойду поищу.

В таких местах всегда прячутся ужи. Иди, иди. Найдешь много грязи, комаров и, если повезет, толстую страшную змею. Девчонки ведь боятся всего ползучего. Мне очень захотелось услышать ее испуганный визг. Просто ужасно захотелось.

— Помоги мне! — донеслось из кустов.

Продравшись через сухие плети хмеля, паслен и выюнки (как спрашивается, она прошла здесь?), я изумленно уставился на лодку. Старая, разошедшаяся, но подтекает вроде не сильно. И весла на месте. И веревка, которой лодка привязана к серому, кривому стволу ольхи. Пришлось отвязывать, оттащить, садиться на весла и грести. Из камышей с треском выскочил Клякса: как это, хотели углыть без него!

— Киса, киса! — сразу засюсюкала девчонка. Она уже устроилась на корме, расправив платье, положив на колени розовую сумку. Боже, и туфли у нее розовые, с цветочками!

Кот живо запрыгнул в лодку. И мы отчалили.

Самое смешное, что на том берегу, за прибрежным песком и березками, на самом деле оказалось картофельное поле. А неподалеку, среди старых сосен и папоротников, — черничник. Эх, надо было пивоварню придумать. Или хотя бы бакалейную лавку, с крупой и сахаром. У девчонки на удивление сильное воображение. Практически все, что она хотела, сбывалось здесь. Вернемся в Скрипучую хибарку — попрошу ее поискать банку с кофе. Стоп! Что значит вернемся? Расслабившись на солнышке, я чуть не пригласил девчонку к себе домой!

— Ну что, остаешься здесь? — спросил я. — Собирай чернику, копай картошку — в общем, живи в свое удовольствие. Этот берег твой, а тот — мой.

Она посмотрела мне в глаза. Неуклюже присела и стала рвать

ягоды. Меняхватило, может, на полминуты, а потом я отправился на поле в поисках лопаты. И уже не сомневался, что найду.

Обратную дорогу девчонка молчала — и в лодке, и по пути от озера до хибарки. Я тащил картошку и кошелку с уловом, а она размахивала сумочкой и вертела головой, разглядывая вереск, березняк, сизые ягоды можжевельника и плющ, выющийся по стенам хибарки. Плющ? Откуда здесь плющ? Вчера еще были подгнившие, поросшие зеленым мхом стены. Того гляди, завтра еще розы появятся, дорожка, посыпанная песком, — сказочный домик из детской книжки-раскраски.

Скрипучая хибарка, кстати, была не меньше меня удивлена появлением новой растительности: то и дело она сбрасывала упрямые побеги, словно отряхивалась от приставшего мусора. Но плющ цеплялся усиками, выпускал новые листочки-звездочки и карабкался выше и выше, угрожая заплести окна и заткнуть трубу. Хибарка поскрипела-поскрипела и смирилась. Издав очередной ужасающий звук, отворилась кособокая дверь, и девчонка вошла внутрь.

— Ой, как здесь уютно! — воскликнула она. Бросила сумку на кровать и принялась обследовать территорию — ну точно, как лоска. Сунула нос во все дыры, открыла посудный шкафчик, заглянула в полотняные мешочки с пряностями, приподняла крышки закопченных котелков. А я рассматривал круглые дамские часики, выпавшие из ее сумки. Браслетик-цепочка, трещины по стеклу, замершие стрелки показывают без четырнадцати восемь.

Вот оно что.

— Значит, и ты? — проговорил я, подбрасывая часики на ладони.

Она подняла на меня глаза. Уже не кукольно-голубые, подсвеченные солнцем, а холодные серые глаза. Взрослые. Интересно, много ли она помнит?

— И я. Только видишь, что получилось, — сказала она тихо. — Давай ужинать.

— Тебя как зовут-то? — спросил я почти вежливо.

— Ася. А ты помнишь свое имя?

Я не помнил, не помнил ни-че-го. Так уж вышло — я жил исключительно настоящим. Многие люди сочли бы это счастьем.

Соседи играли на пианино, в окнах розовело, печка постреливала искорками. Я скреб и потрошил лещей, Ася чистила картошку, Клякса гонял по полу золотистую круглую луковку. Потом все это — рыба, картошка, лук, приправы — булькало и кипело в котелке. Господи, как давно я не ел ничего подобного! Выпив кофе (удивительно, нашлась целая банка на печке!), мы посидели, молча глядя на огонь, помолчали каждый о своем. И конечно, я не завел часы. Даже не вспомнил о них.

Когда девчонка улеглась спать на единственную кровать в хибарке, мы с Кляксой отправились во двор. Растянулись на охапке веток и смотрели на небо. В небе что-то возилось, шуршало, скреблось, подрагивали звезды. Клякса поводил ушами, прислушиваясь к ночным шорохам. Полежал со мной немного и сбегал на охоту. А я уснул, и мне, как обычно, ничего не снилось.

А утром меня разбудил запах. Одурманивающий сладкий запах оладий с яблоками. Соседи пекли их на завтрак по воскресеньям. Ну, это я так решил, что по воскресеньям, ведь никакого времени и календаря тут не было в помине.

На пороге мне встретился Клякса. Хвост жизнерадостно задран, в зубах — половина олады. Ася за столом пила кофе. Перед ней на огромном блюде дымилась гора пухлых желтых оладушек. Ароматных. Горячих. Настоящих! Но ведь в доме не было яиц, муки и всего остального! Как ей это удалось?

— Где взяла? — еле произнес я. Нелегко говорить с набитым ртом. А тут еще и сметана оказалась в белом соуснике, густая, холодная.

— Там, за окном, — махнула она рукой. — Соседи угостили.

Я чуть не подавился.

— Какие еще соседи?

— Ну те, что вчера Шопена играли, — пожалала плечами Ася.
Меня взяла досада. Пока я вдыхал ароматы и глотал слюнки, убеждая себя, что мне ничего не светит, Ася просто протянула руку и взяла то, что ей хочется. Почему я сам до этого не додумался?
— Ты слышал? Ночью в небе кто-то копошился, ворочался, — сказала она, и в ее глазах мелькнул страх.
— Тут такое часто бывает. Иногда сверху и труха сыплется, ветки сухие, косточки.
— Чьи косточки? — подскочила она.
— Вишневые.

Ну и трусиха! Небось думает, что небо — это нечто наподобие антресолей, где может поселиться страшное косматое чудовище. С клыками, острыми когтями, хищное и кровожадное. Но я спохватился: как бы не напридумать лишнего. И тут же, подтверждая мое опасение, в воздухе раскатился зловещий, утробный рык. Сразу домой прибежал Клякса. Хвост метелкой, шерсть на хребте вздыбилась — то ли драться собрался, то ли прятаться.

— А это чудовище может спуститься к нам? — дрожащим голосом спросила Ася.

— Может, — сердито ответил я. — Более того, спустится довольно скоро.

— Как?

— По лестнице!

Она недоверчиво улыбнулась.

— Я не шучу. — Возмутительно, ничем ее не возьмешь! — Так что садись в лодку и спасайся за озером. Чудовище не умеет плавать.

— Зачем ты это говоришь? Я не боюсь. И останусь здесь.

Словно доказывая свою храбрость, она взяла лукошко и отправилась в лес. Клякса за ней. Что мне оставалось делать? Я прихватил со стола нож и побрел по грибы. Семейки белых, маслята с налипшей на кожицу хвоей, красные шапки подосиновиков. Удивительно, как быстро переключается сознание с размышлений на поиски. Стреляешь глазами туда-сюда, прицениваешься к очередной коричневой шляпке — съедобная? несъедобная? — и голова становится прекрасно-пустая, в отличие от корзины.

Насвистывая мотив какой-то песенки, я обшаривал траву, мох и опавшие листья, заглядывал под сосновые лапы. Солнце мигало сквозь редкую листву. Идиллию нарушал только грохот, изредка доносившийся сверху. Глупое чудовище, грохочи не грохочи, еды тебе все равно не достанется! Заведу часы и уйду. И ты, обиженное и голодное, обдирая колени, покарабкаешься обратно на небо.

Неведомый небесный житель был здесь с самого начала. Когда я очнулся в скрипучей хибарке, рядом сидел Клякса, в печи горел огонь, за окнами лил дождь, и изредка кто-то завывал в небесах, уныло и протяжно. Когда выдавались сухие пасмурные дни и переставало капать, из-за облаков доносились странные звуки: скрежет когтей, фырканье, стук. И оттуда сыпался мусор. А однажды ночью мне почудилось, будто кто-то с шумом втягивает воздух, принохивается, ищет, чем бы поживиться. Клякса в ту ночь порядночно струсил: наверно, ему примерещился гигантский злобный пес — пожиратель мелких домашних любимцев.

Все мои страхи кончились, когда я сел и, старательно подумав, понял: да ведь не спустится чудовище сюда, никак! Прыгать — слишком высоко, а крыльев у него нету. Не-ту! Так что пусть обливается и принохивается сколько угодно, все равно ему сюда не попасть!

А сегодня я зачем-то разрушил защиту — лестницу какую-то приплел. Ну и ладно. В конце концов, это мой мир. Что хочу, то и говорю.

К хибарке мы подошли одновременно: я — с полной корзиной грибов, Ася с лукошком ярко-красных ягод и букетом желтых цветов. В ответ на мой недоуменный взгляд она деловито пояснила:

— Это шиповник. Очень полезно, витамины, зимой будем заваривать. А это, — она потрясла желтыми цветами, — пижма. — Мне это абсолютно ничего не говорило. — Пижма, — повторила

ФАНТАСТИКА

она и посмотрела на меня, как на несмышленого ребенка. — Попробуй!

И я купился. Решил, что соцветия будут сладкими или хотя бы кисленькими. Скривился, долго отплевывался.

— Гадость! Если хоть раз это заваришь, выброшу из дома и цветы, и тебя.

— Ее не заваривают, ее от глистов едят, — пояснила злодейка, отсмеявшись. — И для аппетита.

Следующий час мы не разговаривали. Сидели на лавке рядышком и перебирали, скребли, чистили. Белые нанизали на нитку и повесили на печку сушиться, остальные пожарили с луком. К ним бы хлеба!

— Очень хлеба хочется, — сказала Ася, попробовав грибы. — Где у нас хлеб?

Я вовремя сообразил промолчать, и вскоре огромный душистый каравай отыскался в холщовом мешочке на печи. Да, от девчонки-то больше пользы, чем вреда.

После еды мне хотелось спать. Ася тоже сидела разморенная, поглаживала живот и словно к нему прислушивалась. А ведь рано или поздно она рожать соберется. И кому же принимать роды?

По коже побежали мурашки, когда я представил себя в роли акушера. Может, к тому времени материализуются соседи? Пожилая пара, муж-охотник каждую неделю приносит домой мясо, а жена всю жизнь проработала повитухой, а?

За стеной послышалась музыка. Ася закрыла глаза и с улыбкой слушала, а я размышлял. На таком большом сроке вряд ли она пыталась покончить с собой. Раз доносила почти до родов, какой смысл умирать? Значит, болезнь? Или несчастный случай? А может, ее убили?

Свою смерть я хоть смутно, да помнил. Собственно, это было единственное воспоминание, перешедшее со мной из того мира в этот. Авария. Визг тормозов. Изю всех сил выворачивая руль и пытаясь объехать — кого или что? — я врезался в столб. А может, в дерево, разглядеть не успел. Так и оказался здесь. И часы остановились без четырнадцати восемью. Куда же я так спешил, что даже забыл пристегнуться?

— Ты вез меня в роддом, — глухо сказала Ася.

— Что? Мы были знакомы?

Не может быть! Не забыл бы я свою жену! И кольца нет на пальце, а я носил бы кольцо, если бы женился.

— Нет, — проговорила она тихо. — Такси...

А как здесь оказался Клякса? Этого я вообще не мог понять. Я его сбил? Пытался объехать, но не получилось? Или он местный житель, проводник из одного мира в другой? Я смотрел на Кляксу, но в его янтарных глазах, уж конечно, не было ответов на мои вопросы.

В общем, стали мы жить в скрипучей хибарке втроем. Ася справлялась с местными делами куда лучше меня. Не говоря об оладьях, мясном рагу и щедрых кусках черничного пирога, что частенько появлялись на подоконнике, она уже пару раз видела соседку, издали, со спины. Я с замиранием сердца ждал, когда в дверь постучат и на пороге появится степенная пожилая пара.

Отношения наши с Асей — то ли братские, то ли дружеские — становились все теплее. Мы ни разу не поругались всерьез. Разве

что, когда солили рыжики, поспорили насчет рецепта. Вместе бродили по лесу, вместе готовили ужин и мыли посуду. Ночи стояли холодные, и вскоре я со двора перебрался назад, в хибарку, на единственную кровать, которая — я не шучу! — стала ощутимо шире, так, чтобы хватало места и мне, и Асе, и ее большому животу. Я подтыкал ей одеяло, а она не будила меня, когда я храпел. Клякса был кем-то вроде нашего приемного кошачьего ребенка, и мы жили как обычная семья — ну, почти как обычная.

Зная, что зима не наступит, мы тем не менее всерьез готовились к ней. Варили варенье из поздней черники, сушили шиповник и дикие яблоки, над печкой висели нитки белых грибов. Ася собирала какие-то травы, связывала их в пучки и развешивала по дому. Я ловил рыбу. Мы коптили ее. Не самая лучшая пища на зиму, но другой не было. Да и, говоря откровенно, я мало верил в зиму. В этом замершем неподвижном мирке стояла вечная осень. Та самая, в которой мы так и не доехали из пункта А в пункт Б.

Порой мне приходила шальная мысль: а что, если никогда не заводить часы? Так и жить в развалюшке посреди леса, у черта на рогах, в междумирье, которое иногда казалось мне чистилищем, а иногда галлюцинацией. Но нельзя же так жить вечно. Ладно — я, а какво Асе с ее девятимесячным животом? А какво ребенку, который так и не родился той несчастливой осенней ночью?

Мы не разговаривали об этом. Точнее, мы об этом молчали.

Как-то утром Ася вышла во двор, и я услышал ее испуганный короткий крик. Выбежал и замер. Было от чего замереть. В двух метрах от хибарки стояла лестница. Прислоненная к небу.

Я-то сразу и не сообразил, что к чему. Стоял, задрал голову, и дивился на косые перекладки, уходящие за облака. Это ж надо — стоит и не падает! Потом оглянулся на Асю — и подумал то же самое. Ее лицо было под цвет глазам, сероватое. Трясущимися руками она обнимала живот и с ужасом смотрела на меня. Вот тогда и я вспомнил свои давние слова про чудовище, которое спустится с неба.

— Ну ты и трусиха! — Я пытался придать голосу беззаботности. — Подумаешь, лесенка. Да я ее сейчас! — И толкнул лестницу ногой.

Та ни с места. Ася попробовала расшатать ее руками, но без успеха. Как будто лестница была накрепко прикручена там, наверху.

— Иди в дом, — сказал я.

А что я еще мог сказать?

Мы заперлись и весь день просидели, глядя в окно. Лестница стояла. Мы нервничали. То и дело мне мерещилась толстая лапа с когтями, которая высовывается из-за туч и проверяет лестницу на прочность. А может, первым покажется хвост?

Ася совсем расклеилась, ее трясло. И, что самое скверное, это, как в зеркале, отражалось за окном: хлестал дождь, сверкали молнии, ветер швырял в окна пригоршни листьев. Я и раньше знал, что Ася управляет здесь всем — хлебом, солью, кофейными банками, соседями и погодой, но не думал, что все настолько серьезно. Впрочем, в этом был и плюс. Своим полуобморочным состоянием, близким к истерике, она накрутила такую непогоду, что ни одно уважающее себя чудовище не сунуло бы носа вниз со своих уютных теплых облаков.

К вечеру стало совсем неладно — что внутри хибарки, что снаружи. Ася дрожала, и я обнял ее, чтобы согреть.

— Мы умрем? — спросила она.

— Ну уж дудки! Ты можешь умереть, только если заведешь часы. Пока время здесь стоит, мы живы, даже если десяток чудовищ будут глотать наши косточки.

— Кто тебе сказал? — не поверила она.

— Да никто. — Я пожал плечами. Я просто знал это с самого первого дня. Как знал и то, что кота зовут Клякса, что за лесом есть озеро, а в озере рыба. Это знание прочно сидело во мне. — И потом, я не называл бы это смертью, — сказал я, помолчав. — Один раз мы уже умерли — но на самом деле просто перешли

сюда. Кто знает, куда мы перейдем, если заведем часы? Может, там будет очередная хибарка и очередной лес.

— А может быть, не будет ничего, — продолжила Ася упрямо.

Когда она уснула, я достал часики из ее сумочки и спрятал в надежное место. Если, конечно, можно назвать надежным местом скрипучую половицу под лавкой.

А утром пропал Клякса. Уж как мы, на зависть соседям, посвистывали и цокали, гремели миской и шуршали бумажками, — все было впустую. Кот исчез. А на грязной земле у хибарки отпечатались чьи-то огромные пятипалые следы. На стене белели свежие царапины. Бог мой, да тут когти больше, чем мой нож. Судя по развороченной изгороди, чудовище ушло в лес. А значит, нам соваться туда не стоило, хотя кота было ужасно жаль. Я едва сдерживал слезы, что уж говорить об Асе.

— Клякса! Котичек! — кричала она. Потом решительно подняла с земли какой-то сук.

— Куда ты собралась? — Я едва успел схватить ее за локоть.

— За Кляксой! — заявила Ася, и я живо представил, как ребенок в ее чреве грозно сжал кулачки. Да уж, женщина-воин! Не палкой забьет, так животом затолкает.

Я взял сук из ее рук и легко переломил.

— На дрова годится. И потом: вряд ли он еще жив.

— Но вдруг он просто заблудился? — жалобно проговорила Ася. — Вдруг он сейчас сидит на дереве и зовет нас? Ты же не можешь знать наверняка!

С сомнением поглядев на свой нож, я пожал плечами. Что же, в лес так в лес. Заодно проверим, прав ли я был насчет часов и нашего так называемого бессмертия.

Следы небесного визитера были пугающе красноречивы.

Ободранная кора на старых деревьях. Сломанные на корню молодые рябинки с объеденными вершинами. Разбитые и перевернутые коряги. А может, это просто лось или медведь? Я не встречал в нашем лесу зверей крупнее белки — но если не встречал, это же не значит, что их нет?

Мы шли по следам, стараясь не шуметь. Вдруг Ася прижала палец к губам и указала на большой выворотень, закиданный еловыми лапами. Ох, как не хотелось мне соваться в это неизвестно чье лежбище. Но Ася так смотрела на меня, что я, расправив плечи, двинулся вперед. Осторожно отодвинул от входа одну еловую лапу, другую...

Когда глаза привыкли к темноте, мы увидели в углублении белоснежную шкуру. Не знаю, кто это был, но он громко сопел и, судя по всему, сладко спал. И к огромному его боку черным пятном прикнулся до боли знакомый клубок.

— Клякса! — прошипел я, моля Бога, чтобы белый зверь не проснулся.

А кот словно ждал, когда его позовут. Тут же выбрался к нам и принялся тереться о ноги. Я стоял в раздумье, переводя взгляд с белой шкуры на свой нож.

Ася покачала головой:

— Ты что! У нее детки весной народятся, нельзя ее убивать!

— Кого — ее?

Она пожалала плечами.

Мы забросали вход в берлогу ветками и пошли домой. Клякса сидел на моем плече, как пушистая черная курица. Ася же, хитро взглянув, сказала:

— А может, там спит корова! И весной она будет давать нам молоко.

— Корова? Спустилась с неба по лестнице, грозно порычала и залегла на зиму в спячку? Ты в своем уме?

— А кто и что здесь вообще в своем уме? — произнесла Ася задумчиво.

Мы вернулись к хибарке. Лестница больше не казалась злове-

щей — стояла себе, легкомысленно прислоненная к облакам. А может... Нет, правда: залезть на небо и посмотреть, что там такое? Может, там стоят мешки со снегом. Всего-то и надо выпрыгнуть парочку вниз, чтобы сдвинуть с места застрявшую осень.

Я перевел взгляд на Асю.

— Давай, давай, тебе же хочется, я вижу, — улыбнулась она. — Ты всегда был большим мальчишкой, любителем приключений.

Я подмигнул:

— Выгляну из нашего подвальчика на верхние этажи, вдруг там жизнь получше да лещи покрупнее? — В ответ Ася кивнула. — Ты ведь справишься тут одна некоторое время?

— Конечно, — сказала она. — Я привыкла справляться одна, не волнуйся.

Махнув мне рукой, Ася побрела в хибарку, Клякса побежал следом. А я поставил ногу на нижнюю ступеньку...

Странные люди, боятся высоты. А ведь с высоты наша жизнь, мелкая, суетная, видна как на ладошке. Вон лес, темные иголки сосен, озеро-капелька. Там где-то поскрипывает хибарка-развальношка, гуляет Клякса и Ася смотрит в окно, гадая, вернусь ли я. А правда — вернусь ли? Мною овладело странное чувство, словно бы и не мое. Там, за облаками, прятался неразведанный, сокровенный мир; может, там жили люди, стояли крепкие дома, по морям бродили корабли; а может, только деревья сыпали листву в тихие воды озер и только птичий крик раздавался над пустыми просторами. Я мог бы стать хозяином этого мира, делать, что захочу, ведь я свободен — так, как только может быть свободен умерший человек; у меня нет ни обязательств, ни привязанностей, а Ася, она ведь привыкла справляться одна, так она сказала.

Я остановился. Потряс головой. Мысли-то были и правда не мои. Уж не знаю, кому в голову приходит подобное, но я-то на самом деле думал иначе. И пусть тот верхний заоблачный мир остается другим открывателям, как неразвернутый подарок под новогодней елкой. Может, кому-то другому, то ли одинокому и бесприютному, то ли амбициозному и любопытному, этот подарок понадобится больше. А я — нет, уже не большой мальчишка. Я усталый

взрослый человек, которому нужны для жизни только дом и семья, и я чуть не забыл, что они у меня есть.

Обдирая руки, перескакивая через ступеньку, я спустился и быстро пошел в хибарку. Почему-то вдруг тревожно и темно стало на душе. Я оставил Асю одну ненадолго — но она-то думала иначе.

Слава Богу, Ася была цела и невредима. Она сидела за столом и держала в руках что-то мелкое. Ее ресницы и щеки были мокрые. Она посмотрела на меня изумленно и виновато. А потом я услышал в тишине тонюсенькое, еле слышное тиканье.

— Зачем? — проростонал я.

— Без тебя... — проговорила она и отчаянно расплакалась, выронив часики из рук.

Если б я умел поправлять непоправимое. Но я не был волшебником. Поэтому я молча снял со стены свои часы и тоже завел их, а потом сел за стол рядом с Асей. Если уж решил быть с ней, то и буду, и гори оно все огнем!

Ася всхлипывала, а я был так пришиблен всем случившимся, что даже не боялся умирать. Интересно, как вообще это произойдет? Мы уснем? Потеряем сознание? Или грянет гром и весь этот мир провалится в тартарары?

— Смотри, — вдруг прошептала Ася.

Я сначала не понял, куда смотреть, и она указала на окно.

За окном шел снег. Он даже не шел, он бежал, летел, валил густыми хлопьями, засыпая тропинки, и хибарка радостно поскрипывала в предвкушении красивой белой шапки.

Ася взглянула на меня, и в ее глазах больше не было вселенской скорби. «Мы живы? И мы все еще здесь?» — говорил ее взгляд. Она отшвырнула часы и подалась было ко мне, но вдруг схватилась за живот. Я перепугался не на шутку: теперь в ее глазах была боль.

— Ничего не говори, — велел я. — Посиди, а лучше полежи, я мигом.

Ася кивнула. Я хлопнул дверью и, скрипя первым снежком, помчался вокруг хибарки. И я был твердо уверен, что пожилая соседка-акушерка уже надевает пальто и с саквояжем в руках спешит мне навстречу.